

УДК 101.1

В. А. Канке
НОМО ETHICIS

Аннотация:

Статус этики рассматривается в контексте философии науки. Отмечается, что развитие позитивистского проекта привело к исключению этики из аксиологических наук. Таковы издержки недостаточного развития философии аксиологических наук. Приводятся аргументы, согласно которым этика является вершиной аксиологических наук, которые используют также достижения естественных и формальных наук. В этой связи выясняется, что определение человека в качестве homo ethicus является наилучшим выражением его подлинной, а именно, концептуальной природы.

Ключевые слова: homo ethicus, позитивизм, философия аксиологических наук

Об авторе: Канке Виктор Андреевич, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», профессор кафедры философии; моб. тел.: 8 (903) 816-94-69; эл. почта: kanke@obninsk

Вовлечение этики в контекст философии науки под эгидой позитивизма

Начиная статью, мы руководствуемся следующими четырьмя основополагающими отношениями. Во-первых, научное знание признается наиболее развитым в концептуальном отношении. Его принципы, законы и переменные проходят наиболее основательное научное обоснование из всех тех, которые нам известны. Во-вторых, полнота знания предполагает опору на достижения не избранных, а всех отраслей наук, каковых, как известно, насчитывается около двух десятков. В-третьих, аксиологические теории кульминируют в этике. Аксиологические теории в данном случае понимаются как концепции, оперирующие ценностями (предпочтениями) людей. Аксиологические теории отличаются от естественных и формальных теорий. В-четвертых, человек в качестве исключительно разностороннего существа должен быть нацелен на максимально эффективное сочетание этических достижений всех аксиологических наук. В противном случае он рискует упустить нечто исключительно важное для него и, следовательно, в конечном счете, оказаться состоятельным в этическом отношении не в полной мере. Разумеется, каждое из этих положений может быть поставлено под сомнение. Тем не менее, мы полагаем, что они могут быть приняты научно ориентированными читателями, настаивающие на критическом оценивании состояния современной науки, но не являющиеся адептами альтернативных науке воззрений. Автор придерживается как раз такой позиции [5; 6].

Естественные и аксиологические теории являются управлениями концептами сущих (объектами и субъектами), принципов, законов и переменных посредством методов дедукции, аддукции (метод соответствующим стадии эксперимента), индукции и абдукции. В случае формальных теорий цикл познания имеет вырожденный характер. Преимущественное значение придается дедукции. Если она порождает противоречия, то пересматриваются, например, в логике и математике, исходные аксиомы. Такой пересмотр

допустимо, на наш взгляд, интерпретировать в качестве формальной абдукции, которая не должна отождествляться с двумя другими формами абдукции, естественной и аксиологической. Абдукция всегда выступает как утверждение принципов новой теории.

Актуальная наука содержит только такие положения, которые не опровергнуты в ходе научного прогресса. С этой точки зрения начало науки уходит в самую далекую от нас древность. Следовательно, оно имело место не в избранные периоды Античности и не в Новое время, а значительно ранее. При констатации этого очевидного факта, тем не менее, приходится учитывать, что часто начало той или иной отрасли науки связывают с некими значимыми научными достижениями. Именно в этой связи начало, например, логики, математики, физики, экономики и информатики отсчитывают соответственно от Аристотеля (IV в. до н.э.), Евклида (III в. до н.э.), Ньютона (1687 г.), А. Смита (1776 г.) и А. Тьюринга (1936). Ньютон более всего прославился тем, что записал физические законы в форме дифференциальных уравнений. Нечто аналогичное, благодаря, прежде всего, усилиям У. Джевонса и Л. Вальраса, случилось в экономике лишь в 1871 г. Тем не менее, судьбу научной экономики обычно связывают с именем А. Смита. Возражать против этого не приходится, ибо Смиту удалось развить стоимостные представления впечатляющим образом.

Необыкновенно актуальной вехой в развитии наук стало изобретение в первой половине XIX в. позитивизма. Он способствовал решающим образом становлению философии науки. Феномен науки был поставлен в фокус исключительно въедливого критического анализа, который в существенной степени определил будущее этики. Он не обошелся без размежевания этики с науками. В соответствии с установками позитивизма этике были предначертаны два пути развития. Она, должна была либо стать полновесной наукой, либо быть зачисленной в область знания, отмеченной отнюдь не почетной печатью метафизики.

В рамках первого позитивизма была сделана попытка реализовать проект по приданию этике отчетливого научного статуса. Он привел к развитию утилитаризма, классиками которого стали И. Бентам и Дж. С. Милль. Решающее по поводу статуса утилитаризма сказал И. Бентам. «Природа поставила человечество под управление двух суверенных начал, боли и удовольствия. Только они указывают на то, что мы должны делать, а также определяют, что мы будем делать. С одной стороны, задается стандарт правильного и неправильного, с другой стороны, цепь причин и следствий прикреплена к их трону... Принцип полезности признает это подчинение и принимает его за основу той системы, объектом которой является нормирование фабрики благоденствия в соответствии с указаниями разума и права» [9]. Это была попытка создать научный вариант нормативной этики, которая, впрочем, не привела к успеху. Утилитаристы, привязав этические концепты к феноменам боли и наслаждения, явно поспешили, дав повод обвинить их в психологизме. Создать последовательную научную теорию боли и наслаждения не удалось ни Дж. С. Миллю, ни Г. Сиджвику.

Утилитаризм встретил сильного соперника в лице американского прагматизма Ч.С. Пирса, У. Джеймса и Дж. Дьюи. Прагматисты, также используя концепт полезности, не связывали его с переживаниями боли и наслаждения, а придавали ему общенаучное значение. Пирс, формулируя прагматистскую максиму, разъяснял суть дела следующим образом: «следует рассмотреть все диктуемые некоторым понятием следствия, которые будет иметь предмет этого понятия. Причем те, что согласно этому же понятию, способны иметь практический смысл. Понятие об этих следствиях и будет составлять полное понятие о предмете» [7]. Достаточно обратиться к любой из современных аксиологических наук, чтобы убедиться, что прагматистам удалось выразить некоторые их существенные черты. Во всех случаях рассматриваются различные варианты действия людей и максимизируется

ожидаемая полезность. Прагматисты не поставили под сомнение научный статус этики, но они и не выявили ее отличие от аксиологических наук. Центральные установки прагматистов имели во многом предварительный характер, особенно в понимании концептуального устройства теорий. Далекое не случайно функциональная психология У. Джеймса пала под напором бихевиоризма Дж. Уотсона, К. Халла и Б.Ф. Скиннера, а прагматическая педагогика Дж. Дьюи была вынуждена уступить дорогу аналитической педагогике Р. Питерса и И. Шефлера. Перипетии, связанные с судьбой утилитаризма и прагматизма, показали, что статус этики не может быть определен вдали от достижений философии науки. В противном случае она становится разновидностью экзотики.

До сих пор рассматривался исходный позитивистский тренд развития нормативной этики как вполне добротной науки. Но для неопозитивизма с его лидерами Р. Карнапом и А. Айером он не характерен. Теперь нормативная этика решительно исключается из сферы науки. В плане оценивания статуса этики предшественником неопозитивистов был один из основателей аналитической философии Л. Витгенштейн. Он в его «Логико-философском трактате», беспелляционно утверждая, что в мире нет ценностей, тут же делал весьма обязывающее заключение: «невозможны предложения этики» [2]. Разумеется, ранний Витгенштейн ошибался. Ценностей нет в природе, но мир человека буквально начинен ими.

Р. Карнап придерживался сходной с Витгенштейном позиции. «Утверждения нормативной этики, имеют ли они форму правил или форму ценностных деклараций, не имеют никакого теоретического смысла, не являются научными высказываниями (принимая, что слово «научный» означает некоторое ассерторическое высказывание)» [2]. «В действительности ценностное утверждение есть не что иное, как распоряжение, представленное посредством вводящей в заблуждение грамматической формы. Оно может оказывать воздействие на действия людей, и эти эффекты могут соответствовать или не соответствовать нашими пожеланиями; но оно не является ни истинным, ни ложным. Оно не утверждает ничего и не может быть ни доказано, ни опровергнуто» [2, с. 24]. Знаменитый пример Р. Карнапа гласит, что из утверждения «Убийство – зло», нельзя сделать какие-либо значимые истинные выводы.

Согласно А. Айеру этические утверждения являются выражениями чувств. Выражения чувств не могут быть истинными или ложными, их невозможно подтвердить или опровергнуть фактами. Следовательно, «не может быть такой вещи, как этическая наука, если под ней понимать разработку «истинной» системы морали», «этические понятия суть псевдопонятия и потому не анализируемы» [1]. Этические принципы обладают не научным, а чисто эмоциональным значением, они возбуждают нравственные эмоции.

Аргументация Л. Витгенштейна и неопозитивистов ошибочна. Во всех аксиологических науках на стадии эксперимента присутствуют факты. Если буханка хлеба стоит в данном магазине 30 руб., то это факт столь же непреложный, как, например, скорость автомобиля. Экономические принципы и законы, а они являются ценностями, позволяют предсказать наступление некоторых событий, например, повышение или снижение темпов инфляции. Решающая ошибка неопозитивистов состояла в том, что они рассматривали аксиологические теории по образу естественных концепций, прежде всего, физики. Как бы то ни было их позиция, которая вплоть до 1960-х гг. доминировала в философии науки, привела к судьбоносным для этики последствиям.

Во-первых, научный статус этики был поставлен под сомнение. Она не отрицалась, но зачислялась в область метафизики. Во-вторых, совершенствование большинства аксиологических наук проводилось под знаменами неопозитивизма, ценностная проблематика либо замалчивалась, либо подвергалась критике. В-третьих, этика в силу ее якобы метафизического характера, изгонялась из всех аксиологических наук.

Три крайности в оценке соотносительности этики и аксиологических теорий

К настоящему времени в науке сложилась весьма специфическая ситуация. Во всех аксиологических науках, т.е. в техникологии, агрологии, медицине, психологии, педагогике, экономике, социологии, политологии, юриспруденции, истории и искусствоведении этики как таковой либо вообще нет, либо она присутствует на постоянно оспариваемых правах. Этические оазисы встречаются в аксиологических науках крайне редко. Если же они случаются, то при ближайшем рассмотрении они часто рассеиваются подобно миражам в пустыне. Чтобы не быть голословными обратимся к этике техники и биомедицинской этике.

Техникология в качестве отрасли науки в отличие от общественных наук тесно примыкает к естествознанию, особенно к физике. В ней чаще, чем в общественных науках, возникает искушение редукции аксиологических концептов к физическим. Тем не менее, в ней такое специфическое аксиологическое мероприятие как этика ответственности выражено значительно ярче, чем в любой общественной науке. Этика ответственности в технике приветствуется и аналитически, и герменевтически, и феноменологически настроенными философами [14]. Такое единодушие, видимо, заслуживает высокой оценки. К сожалению, при ближайшем рассмотрении выясняется, что нет такой книги, в которой бы этика ответственности излагалась в строгом соответствии с канонами научной теории, когда из принципов выводятся законы и предсказываются значения параметров. Приводятся многочисленные аргументы, призванные обосновать необходимость техникологической этики ответственности, но нет последовательной научной теории [3].

В отличие от приверженцев техникологической этики ответственности сторонники биомедицинской этики стремятся в максимально последовательной форме представить основания излюбленной ими теории, потенциал которых должен быть развернут в соответствии с идеалами научной методологии [8]. Три главных постулата биомедицинской этики суть следующие: принципы автономии личности, благодеяния и справедливости. Бросается в глаза, что эти три принципа недостаточно отчетливо выражают специфику как биологии, так и медицины. К тому же вызывает недоумение попытка прописать этическую теорию разом по ведомству как биологии, так и медицины. На наш взгляд, Д. Ирвинг достаточно убедительно показала, что в ее нынешнем состоянии биоэтика или медицинская этика является дискурсом, который не достиг стадия научной теории [13]. Впрочем, требования, предъявляемые к научной теории, она не представляет в сколько-нибудь строгой форме.

Ситуация с развитием техникологической этики ответственности и биомедицинской этики во многом показательна. Суть ее нам видится следующей: философски ориентированными авторами делается попытка развить специальную этику. Реализация этого благого намерения не приводит к образованию полновесной научной теории, это, во-первых. Во-вторых, она недостаточно нагружена спецификой той науки, во имя которой создается. В техникологической этике ответственности мало технического, в биомедицинской этике биологического и медицинского. В-третьих, по нашим наблюдениям, в силу указанной недостаточной специфичности, обсуждаемые этические теории воспринимаются соответственно техниками и медиками без желаемого энтузиазма. Они руководствуются определенными теориями, в высшей степени специфическими. Когда же им предлагаются теории, связь которых с их излюбленными концепциями не просматривается достаточно отчетливо, то они не испытывают к ним значительного интереса.

Выше уже отмечалось, что во всех аксиологических науках этические оазисы встречаются крайне редко. Это особенно относится ко всем общественным наукам, т.е. к

экономике, социологии, политологии, юриспруденции и истории. Применительно к ним нечасто этическая проблематика обсуждается первыми лицами, т.е. выдающимися представителями общественных наук, от которых резонно ожидать необычных, новаторских идей, нечасто. Из этого правила есть по крайней мере одно существенное исключение, рассмотрение которого позволит перейти непосредственно к изложению главной идеи статьи. Речь идет об острой полемике двух выдающихся юристов современности англичанина Х. Харта и американца Р. Дворкина [4].

Харт руководствовался тезисом сепарабельности, согласно которому следует четко отличать этические представления от юридических. Этические представления должны быть исключены из юридических теорий. Результатом этой установки оказалось лишение юридической теории принципов. Юридические законы есть, а принципов нет. Подметив указанную слабость воззрений Харта, Дворкин уделил первостепенное внимание именно принципам юридической теории. Согласно его позиции, юридические принципы обладают моральной природой, т.е. они совпадают с этическими принципами. В течение своей творческой жизни он многократно менял номенклатуру используемых им принципов, остановившись, в конечном счете, на принципах эквивалентности достоинств людей и личной ответственности каждого человека [10].

На наш взгляд, ни Харта, ни Дворкину не удалось показать подлинную соотносительность этики и юриспруденции. Харт их разводил слишком далеко друг от друга, причем настолько, что связь между ними терялась из вида. Дворкин сближал этику и юриспруденцию до такой степени, что они, по сути, сливались друг с другом. Полемика Харт-Дворкин выявила сложность вопроса о соотношении этики и аксиологической теории. Именно он является центральным в современном понимании статуса этики. В этой связи наблюдаются три крайности.

Одна из них состоит в том, что философы создают этические концепции, которые малоинтересны представителям нефилософских наук. Они не выражают специфику аксиологических наук и, строго говоря, не обладают тем концептуальным и методологическим содержанием, которое характерно для научных теорий. Выводы этических теорий невозможно удостоверить. Чтобы не быть голословными, обратимся к дискурсивной этике ответственности Ю. Хабермаса [12]. Дискурсанты должны соблюдать правила логики, быть искренними и честными, давать слово каждому участнику обсуждения. Допустим, а что далее? А далее вступает в силу модель объяснения: к описанию фактов применяется правило, которое обеспечивает получение результата, заключения. Несколько упрощая положение дел, можно представить аргументацию трехзвенной цепочкой: факт – правило – результат. На наш взгляд, такое представление об устройстве научной теории является крайне бедным. Едва ли оно обеспечит достижения высот этических истин. Добавим к сказанному, что часто этические теории предлагаются различным сообществам в форме моральных кодексов. Возьмем на себя смелость утверждать, что они никогда не строятся согласно концептам и методам научных теорий, в частности, отсутствует линия дедукции: принципы – законы – переменные. Обычно в некоторой последовательности приводятся ценности первого, второго и третьего уровня, которые называются принципами. Но подлинной дедукции, а вслед за нею аддукции, индукции и абдукции, нет.

Вторая крайность в понимании статуса этики состоит в том, что представители аксиологических наук без тени сомнения игнорируют этику. Делают они это не из злого умысла, а будучи уверенными, что излюбленная ими теория позволит разрешить все коллизии наилучшим образом. А для этого совсем не обязательно обращаться к этике. Именно эту позицию отстаивал знаменитый экономист М. Фридмен, заявивший, что социальная ответственность бизнеса состоит исключительно в увеличении его прибыли

[11]. Если люди бизнеса руководствуются экономическим принципом максимизации нормы прибыли на авансированный капитал, то им в их деятельности не нужны, мол, какие-либо этические подпорки.

Третья крайность, как свидетельствует казус Дворкина, состоит в том, что аксиологическая теория погружается в этику. Как и при второй крайности этика не отличает от той или иной аксиологической науки. Но на этот раз указанное отсутствие различия проводится посредством восхваления этики.

Рассмотренные три крайности свидетельствуют о значительных трудностях, с которыми встречаются исследователи при попытке непротиворечиво выразить соотношение этики и аксиологических наук. Самый радикальный путь разрешения рассматриваемой дилеммы состоит в отказе от этики. Но в таком случае в каждой из аксиологических наук наблюдается отсутствие обостренной экзистенциальной интенции, направленной на обеспечение успешной жизнедеятельности не только отдельных избранных личностей, но и всех других людей. Именно эта интенция отличает этику от всех других теорий на протяжении всей ее многовековой истории развития. Те исследователи, которые обращаются к этике, например, экономист А. Сен, политолог Дж. Роулз, юрист Р. Дворкин, делают это не случайно. Им как раз недостает в аксиологических науках упомянутой экзистенциальной интенциональности. В этой связи возникает резонный вопрос о возможности ее достижения. Как и когда именно она достигается?

Этика как вершина философии аксиологических наук

Опыт нашей оценки исследовательской работы представителей разнообразных аксиологических наук привел нас к четырем выводам. Во-первых, стремление обогатить аксиологические науки образцами философской этики, разработанными вдали от этих наук, никогда не приводит к существенному научному прогрессу. Во-вторых, в аксиологической науке как таковой, которой посвящены, в частности, стандартные университетские учебники, дело до этики не доходит. Многочисленные учебники по техникологии, агрологии, медицине, психологии, педагогике, экономике, социологии, политологии, юриспруденции и истории не содержат никакой отчетливо выраженной этической позиции. В-третьих, часто она не достигается и в трудах, посвященных философии той или иной аксиологической науки. Так, в абсолютном большинстве книг, посвященных философии экономики, следы от этики не обнаруживаются. В-четвертых, горизонты этики все-таки достигаются, но лишь тогда, когда в рамках философии отдельных аксиологических наук проводится всесторонняя специфическая проблематизация, направленная на обеспечение благоденствия, т.е. максимально успешной жизни для всех людей. Любая этические ориентированная теория реализует проект благоденствия. Именно в этом состоит ее решающая особенность. Таким образом, та или иная специфическая этика всегда выступает вершиной не базовой аксиологической науки, а ее философии. Мы полагаем, что в указанном контексте вполне правомерно вести разговор именно о вершине, ибо у всех аксиологических наук нет более актуального назначения, чем обеспечение благоденствия людей.

Определив этику в качестве вершины (синонимы: апогея, зенита) философии аксиологических наук, нам представляется уместным несколько пояснить ее содержание. Философы давно заметили, что принципы естественных и аксиологических теорий в качестве наиболее богатых в смысловом отношении концептов теории всегда являются экстремальными. Природа следует принципу наименьшего действия. Живые организмы реализуют целый ворох экстремальных принципов, в частности, принцип максимизации своих репродуктивных способностей. Во всех аксиологических теориях позитивные ценности максимизируются, а негативные минимизируются. Как правило, представители этих наук оперируют по преимуществу позитивными ценностями, которые

максимизируются. В этой связи определяются некоторые оптимумы. Так, экономисты максимизируют прибыль, а технологи увеличивают коэффициенты полезного действия технических устройств. Ценностей много, поэтому приходится их величины оптимизировать. В этой связи определяются некоторые оптимумы. Экономисты сочетают максимизацию прибыли с максимизацией уровня занятости работающих. Технологи совмещают повышение эффективности технических устройств с увеличением их безопасности.

Существенно, что этика в силу своей специфики всегда была связана с отчетливым акцентом не столько на законах, сколько на принципах. Добродетели Аристотеля определялись им как некоторая середина, т.е. своеобразный оптимум между страстью по избытку и недостатку. Содержание категорического императива Кант разъяснял посредством обращения к некоторым максимумам. Утилитаристы провозгласили лозунг максимального счастья для максимального числа людей. Прагматисты настаивают на максимальном жизненном успехе. Решающая специфика этики состоит не только в оптимизации некоторых ценностей, но и в обеспечении благоденствия всех людей, затронутых той или иной жизненной ситуацией. Она не терпит исключения из ее ведомства каких-либо социальных групп или отдельных людей. В научном отношении это означает, что этика не может состояться без учета единства всех существующих аксиологических наук. А поскольку их природные условия определяются естественными науками, то и последние попадают под эгиду этики. Аксиологические науки используют достижения естественных и формальных концепций. Непосредственно в этих концепциях нет ничего этического, но будучи вовлеченными в интердисциплинарные отношения с аксиологическими науками в качестве их своеобразных доноров они приобретают этическую относительность. Что касается эстетики как философии искусствоведческих наук, то и она обладает этической относительностью. Она, в частности, отчетливо просматривается в творчестве, например, писателей Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, композиторов Д.Д. Шостаковича и Г.В. Свиридова.

В соответствии с изложенной выше аргументацией мы склонны считать именно этику венцом человечности, того что в наиболее развитой концептуальной форме характеризует специфику человека. Разумеется, не счастье разнообразных форм жизнедеятельности людей. В попытке понять их содержание придется обращаться ко всей совокупности наук. В этой связи крайне существенно, что все они стягиваются к одной и той же вершине, называемой этикой. Именно она придает единство всему существованию людей. Если упомянутая интегративная роль этики игнорируется, то связь наук, являющихся самыми главным достижениями человечества, распадается. К тому же следует учитывать, что развитое знание есть ключ к пониманию менее развитого. Назначение всех наук становится очевидным не иначе, как в свете этики. К этому выводу мы пришли, не исходя из каких-либо метафизических постулатов, а посредством анализа истории развития наук. Пытаясь выразить специфику человека его называли по-разному, и *homo sapiens*, и *homo faber*, и *homo ludens*. Но во всех этих случаях из виду терялась магистральная научно-теоретическая интенция человека, а именно, этика. Человек есть, прежде всего, *homo ethicus*. Все остальные его характеристики приобретают свой подлинный смысл не иначе, как в его горизонтах.

Заключение

Содержание этики в качестве составной части философии неоднократно пересматривалось в связи с очередными достижениями научного познания. Но само это познание также нуждается в осмыслении, что происходит посредством философии науки, актуальной вехой которой в середине XIX в. стал позитивизм. В результате этика была вовлечена в сферу действия философии науки. В этой связи возникла проблемная ситуация,

которая, как нам представляется, ждет своего разрешения по настоящий день. С одной стороны, значительная часть философов создавала и создает этические концепции, слабо связанные с философией науки. Влияние этих концепций, например, дискурсивной этики ответственности, на развитие развитых аксиологических теорий незначительно. С другой стороны, представители аксиологических наук, заботясь о их концептуальной чистоте, вполне правомерно избегают включения в их состав неведь откуда взятых этических принципов. В итоге этическая проблематика отодвинута в аксиологических науках на задний план. Такое положение дел является следствием недостаточной развитости философии аксиологических наук. В указанном отношении позитивисты преуспели мало. К сожалению, и их оппонентам, в том числе критическим рационалистам, герменевтам и феноменологам, также не удалось добиться решающего успеха. Неопозитивисты способствовали исключению этики из аксиологических теорий. Критические рационалисты, в частности, их лидеры К. Поппер и И. Лакатос, не способствовали ее возвращению туда. Подобно позитивистам они были значительно более успешными в области философии естествознания, чем философии аксиологических наук. Другой недостаток характерен для феноменологов и герменевтов. Они, подобно, например, феноменологу М. Шелеру и герменевту Ю. Хабермасу, охотно рассуждают об актуальности этики, но не в контексте философии науки. Но в наши дни без философии науки невозможно обеспечить этическую составляющую аксиологических наук.

Превращение этики в золушку философии науки пагубным образом сказывается на судьбе многочисленных проектов изучения современного состояния человеческого общества и отдельных людей, их настоящего и будущего. Эти проекты в отсутствие этических горизонтов оказываются разобщенными друг от друга, не составляющими единое целое. Аксиологические науки, равно как и единство естественных, формальных и аксиологических теорий, достойны быть вознагражденными этическим содержанием, которое в полной мере определяется достижениями философии науки. Ее вершиной является никто иной, как *homo ethicus*.

Библиографический список:

1. Айер А.Д. Язык, истина и логика // Аналитическая философия: избранные тексты. М.: Изд-во МГУ. 1993. С. 59.
2. Витгенштейн Л. Работы разных лет. М.: Гнозис, 1994. С. 70.
3. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.
4. Канке В.А. История, философия и методология социальных наук. М.: Юрайт, 2014. С. 375-387.
5. Канке В.А. Современная этика. М.: Омега-Л, 2016. 222 с.
6. Канке В.А. Философские проблемы науки и техники. М.: Юрайт, 2015. 288 с.
7. Пирс Ч.С. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. С. 138.
8. Beauchamp T., Childress J. Principles of biomedical ethics. 5th edn. New York: Oxford university press, 2001. 454 p.
9. Bentham J. An introduction to the principles of morals and legislation. Oxford: Clarendon Press, 1907. P. 4.
10. Dworkin R. Is democracy possible here? Principles for a new political debate. Princeton: Princeton university press, 2006. 192 p.
11. Friedman M. The social responsibility of business is to increase its profits // The New York Times Magazine. 1970.
12. Habermas J. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln. Frankfurt am Main, 1983. P. 97-107.

13. Irving D.N. What is 'Bioethics'? (Quid est 'Bioethics'?) // Koterski J.W. (ed.). Life and learning X: Proceedings of the tenth university faculty for life conference. Washington, D.C.: University faculty for life, 2002. P. 1-84.

14. Lenk H., Ropohl G. (Hg.). Technik und Ethik. 2 Aufl. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1993. 373 p.

Kanke V.A. **HOMO ETHICIS**

Status of ethics is considered in the context of the philosophy of science. It is noted that the development of the positivist project has led to the exclusion of ethics from axiological sciences. These are the costs of underdevelopment of philosophy of axiological sciences. Arguments are advanced, according to which ethics is the highpoint of the axiological sciences, which also use achievements of natural and formal sciences. In this regard, it appears that the human determination as homo ethicis is the best expression of its genuine, namely, conceptual nature.

Keywords: homo ethicis, positivism, the philosophy of axiological sciences